

О ПРОЦЕССАХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2012 г. Б. Ю. Норман (Белоруссия)

Процесс синтаксической компрессии, с формальной стороны, это сокращение фразы, а по сути – уплотнение информации. Компрессия происходит по определенным моделям, образцы которых, на материале русского, болгарского, польского языков, приводятся в статье.

Generally speaking, the syntactic compression is a reduction of a phrase; however, more to the point, it is a way to pack information. Such a process follows certain patterns, examples of which – in Russian, Bulgarian, and Polish – are given in the paper.

Ключевые слова: компрессия, разговорная речь, синтаксическая структура, преобразование, динамическая грамматика.

Key words: compression, spoken language, syntactic structure, transformation, dynamic grammar.

Изучение синтаксиса разговорной речи имеет уже давние традиции.

Ш. Балли писал в своей “Французской стилистике”, вышедшей первым изданием в 1909 году: «Было бы весьма странно, если бы разговорный язык не обладал особым синтаксисом, действительно, с этой точки зрения он представляет целый ряд особенностей, которые столь же интересны, сколь мало изучены. Разговорный синтаксис не изучают главным образом потому, что не считают его достойным внимания; от него старательно отгораживаются под тем предлогом, что в нем всё “неправильно”...» [1, с. 352]. Вместе с тем трудно отрицать, что для современной эпохи разговорная речь – та сфера, в которой “вызревают” и формируются явления, наиболее значимые для развития языка в целом.

Поэтому лингвистически столь ценны детальные исследования живого непосредственного общения в естественной для человека речевой среде. Применительно к русскому языку это труды Н.Ю. Шведовой, М.В. Панова, Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, А.А. Никольского, О.Б. Сиротиной и ее саратовских коллег, социолингвистические исследования Л.П. Крысина, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и др.; в последнее время – работы по “естественной письменной речи” Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и др. Во многих из этих штудий затрагиваются именно вопросы грамматического строения текста.

В данном случае мы обратим внимание на тот аспект грамматики, который можно было бы назвать “динамическим”. Речь пойдет о фактах сокращения поверхностно-синтаксической

структуры высказывания при одновременном усложнении, “уплотнении” информации, содержащейся в этом высказывании. Эти процессы, чрезвычайно характерные для синтаксиса современных славянских языков, получают в лингвистике разные названия: *компрессия, стяжение, сжатие, сгущение, свертывание, конденсация, универбация* и т.п. Фактически речь идет о латентных, скрытых процессах, протекающих в сознании говорящего. На выходе же эти “упакованные”, сжатые смысловые конфигурации принимают вид элементарных синтагм – объективных, релятивных или атрибутивных. Причем им свойственно “узуализироваться”, легализоваться в сознании носителя языка настолько, что у того даже не возникает необходимости “расшифровывать” их, восстанавливать их деривационную историю. Таким вопросом может задаться только лингвист (см.: [2, с. 143–145]; [3, с. 16–19]; [4]; [5] и др.).

В частности, если обратиться к материалу русского языка, то мы убедимся, что определительные словосочетания типа *пригородные кассы, властные структуры, докторский совет, третьи страны, пушкинская Москва, текущие документы, критические дни, маршрутное такси, отчетливые слова, сетевой журнал* и т.д. нуждаются, с лингвистических позиций, в довольно сложном истолковании.

Так, слово *пригородный* в своем прямом значении – это ‘находящийся в непосредственной близости от города’: *пригородная станция*. Но *пригородный поезд* означает не ‘поезд, находящийся вблизи от города’, а ‘поезд, следующий до

станций, находящихся недалеко от города'. Это значение, кстати, уже фиксируется толковыми словарями в качестве отдельного, переносного. А сочетание *пригородные кассы* означает не 'кассы, находящиеся вблизи от города', а 'кассы, продающие билеты на поезда, следующие до станций, находящихся вблизи от города'. Если же вдруг про какого-то человека скажут, что он – *пригородный кассир*, то это значит, что он работает в кассе, которая продает билеты на поезда, следующие до станций, находящихся недалеко от города... Мы видим, как на каждом очередном этапе значение слова *пригородный* усложняется, "впитывает" в себя предыдущие шаги семантико-синтаксической деривации.

Можно было бы предположить, что все дело тут в широте семантики относительных прилагательных. Это известная лингвистическая проблема: предельно обобщенный характер значения позволяет относительному прилагательному (вместе с опорным словом) «лишь "намекать" на смысл связи между предметами – и мало ли в каком направлении может конкретизоваться этот смысл в зависимости от условий контекста, речевой ситуации» [6, с. 72]. Но возникает вопрос: если мы определим *пригородный* максимально широко, как 'имеющий отношение к пригороду', будет ли этого достаточно в реальных речевых ситуациях? Сможем ли мы понять разницу между *пригородная* (станция) и *пригородная* (касса)? Согласимся ли мы с тем объяснением, что *пригородная касса* – это 'касса, имеющая отношение к пригороду'? По-видимому, нет: нам необходимо учитывать деривационную историю каждого из этих словосочетаний.

Кроме того, синтаксическое стяжение охватывает ведь самые разнообразные конструкции, не только с относительными прилагательными. В частности, интерес представляют в русском языке сочетания глагола с существительным, типа *остановиться на светофоре*, *дружить против учителя*, *остаться на хозяйстве*, *ходить на знаменитостей*, *выйти на министра*, *выиграть Европу* (в смысле: 'первенство Европы'), *ужинать девушку* (ср. фразу из анекдота: "Кто девушку ужинает, тот ее и танцует") и т.п. Они, конечно, могут "царапать" слух или взгляд, и под некоторым углом зрения представляют собой нарушения литературной нормы. Но, по сути, возвращаясь к началу статьи, можно трактовать эти факты как проявления новых норм, входящих в нашу жизнь через разговорную речь. И во всех случаях перед нами – результат перестройки синтаксической структуры, который кратко можно охарактеризовать как компрессию.

Откуда, например, взялось в русском языке словосочетание *выйти на министра* (или *на ректора*, *на президента* и т.п.)? Можно предположить, что оно восходит к более полному выражению *в поисках решения выйти на путь, который приведет к министру*.

Аналогичным образом, через возведение к синтаксическому прототипу, мы вправе истолковывать и субстантивные сочетания вроде *курсы квалификации* (из *курсы повышения квалификации*), *результаты в мужском молоте* (из *результаты соревнований по метанию молота среди мужчин*), *крем после бритья* (из *крем для употребления после бритья*), *шуба в пол* (из *шуба такой длины, что ее полы упираются в пол*) и т.п.

Синтаксическое стяжение ни в коем случае нельзя сводить к эллипсису. Эллипсис – опущение в речи словоформы, легко восстанавливаемой из контекста (словесного или бытового). Компрессия же подразумевает внутреннюю перестройку синтаксической структуры, при которой какая-то словоформа передвигается из первоначально предназначенной для нее позиции в иную позицию, какая-то меняет свою частеречную природу, ну, а какая-то может и вовсе исчезнуть, поглотиться своими соседями. В итоге формальное упрощение есть, по сути дела, сгущение, уплотнение информации в единице текста.

Семантико-синтаксические преобразования, ведущие к формальному сокращению структуры высказывания, не сразу были признаны объектом грамматической науки. Еще А.М. Пешковский считал сочетания типа *окно напротив* "исключительным" случаем [7, с. 339]. Однако по мере того, как внимание лингвистов смещалось от обоснования и установления норм литературного языка к описанию живой разговорной речи, подобные факты все чаще становились предметом исследования (см. [8, с. 74–94]; [9, с. 91–92]; [10, с. 185–186, 195–199 и др.]; [11, с. 144–147, 227–232 и др.]). Особую значимость динамический аспект грамматики приобретает в наши дни, когда усиливается взаимовлияние и взаимопроникновение языковых стилей и жанров.

Конечно, именно разговорная речь является первоисточником, наиболее естественной средой и иррадирующим центром таких процессов. Здесь, с одной стороны, особенно важна экономия речевых усилий (а также времени). С другой стороны, сопутствующие факторы (такие, как известные личности собеседников, обстановка общения, жестикуляция и мимика и т.п.) сводят к минимуму опасность коммуникативной неудачи.

Проявлением синтаксической компрессии может быть не только нетипичная сочетаемость лексем, но и развитие у слов вторичных, переносных значений. Со временем эти окказиональные сдвиги в значениях могут кодифицироваться и закрепляться в словарях. Например, у слова *химия* в [12] зафиксированы следующие значения (иллюстративный материал опустим): 1. Научная дисциплина (область естествознания), изучающая вещества, их состав, строение, свойства и взаимные превращения... || Учебный предмет, излагающий основы этой дисциплины... 2. *Разг.* Учебник по этому предмету... 3. Качественный состав чего-либо... 4. Отрасль химической промышленности... 5. *Разг.* Химические препараты (обычно как удобрения или отходы производства); химические методы (лечения, обработки и т.п.)... || То, что выглядит искусственным, неестественным, синтетическим; синтетика... 6. *Разг.* Химическая завивка... 7. *Разг.* Уловки, хитрости, жульничество...

В большинстве случаев “синтаксическое” происхождение новых значений самоочевидно и не требует доказательств; эти значения возникают на основе атрибутивных словосочетаний, как-то: *учебник по химии* → *химия*, *химическая промышленность* → *химия*, *химические препараты* → *химия*, *химическая завивка* → *химия* и т.п.

Обратим также внимание на то, что значительная часть приведенных в словарной статье толкований сопровождается пометой “*Разг.*”. И этот список не закрыт; новые значения на синтаксической основе возникают постоянно, ср. еще *химия* ‘наказание по уголовным делам, представляющее собой направление на вредное производство’ (*направить на химию*) или *химия* ‘химическая реакция’, как в следующем случае:

– Это называется “увидела и погибла”, – говорит Юля. – Я до сих пор не могу объяснить, что со мной тогда произошло: вроде стоит помятый мужик, дырка на коленке... Между нами как будто возникла “химия” (“Комсомольская правда в Белоруссии”, 05–11.04.2012).

Сказанное вполне соответствует распространенной среди лингвистов точке зрения на многозначность как на естественный способ жизни слова. “Полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить; это означало бы также, что в языке не должно быть

метафор, а тогда язык в большой мере оказался бы лишенным своей выразительности и гибкости” [13, с. 267]. Подтвердим данное мнение и афористическим высказыванием О. Мандельштама: “Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку” (“Разговор о Данте”).

Следует подчеркнуть, что компрессия синтаксической структуры опирается на апробированные в сознании носителя языка трансформационные правила. Это номинализация, адвербиализация, персонализация, каузация, гипаллага (перенос определения в “чужую” позицию, к другому существительному), рейзинг, или подъем (перемещение подлежащего придаточного предложения “вверх” и включение его в структуру главного), и т.д. В работах Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Г.А. Золотовой, М.В. Всеволодовой и др. эти проблемы затрагивались в связи с общей идеей соотношения лексического значения слова и его синтаксической функции.

В частности, было показано, что сочетание в тексте темпорального или логического предлога с именем конкретной семантики означает, что данное имя употреблено в пропозитивном значении: «Если, объясняя причину какого-либо события, говорящий ограничивается именем предмета, то понимание сообщения в большой степени зависит от осведомленности или догадливости адресата. Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или происшествий. Например, *Я задержался из-за книг* = я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / отдавал книги в переплет / искал затерявшиеся книги / расставлял книги по полкам / вытирал с книг пыль и др. <...> Для того чтобы правильно интерпретировать предложение, значения слов, занимающих в нем “не свои места”, следует преобразовать в смыслы, соответствующие данным синтаксическим позициям» [14, с. 123].

Номинализация фразы, т.е. сокращение, уплотнение пропозиции до размеров имени, также требует опоры на контекст и апеллирует к некоторому общему опыту говорящего и слушающего. Приведем две иллюстрации из художественных текстов. В одном месте романа Д. Гранина “Картина” рассказывается, как в городском храме происходит служба:

Он подошел, Таня шепнула ему, что сегодня служит сам митрополит, и показала на сутулого старичка в высокой шапке с вышитым крестом. Митрополит двигался по проходу, сопровождаемый священниками...

А чуть далее, через несколько строк, говорится:

Несмотря на митрополита, народу не прибывало.

Здесь *митрополит* – обозначение не человека, а целой ситуации, это пропозиция, “свернутая” до одного слова. И носитель языка, знакомый с механизмом номинализации, легко восстанавливает искомый смысл.

Второй пример – из рассказа М. Лоскутова “Немного в сторону”:

К утру мы знали все новости совхоза: три отары переведены на осенние пастбища, в поселке построена баня на триста человек, умерла какая-то учительница музыки, приехал ученый скотовод, получены волейбольные мячи. На волейболе мы и заснули.

На волейболе здесь означает ‘когда нам рассказывали про то, что получены волейбольные мячи’. Опять-таки предшествующий контекст обеспечивает соответствующее понимание текста читателем.

“Следы” процесса семантико-синтаксического стяжения могут обнаруживаться и в морфологии. Таковы, в частности, факты “неправильного” управления, которые мы встречаем в разговорной речи. Скажем, предлоги *в* и *на* в локативном значении управляют предложным падежом: *учиться в институте, поселиться в гостинице, жить в Пушкине, выходить на остановке* и т.п. Если же после этих предлогов следует форма родительного падежа, то это верный признак того, что синтаксическая компрессия “поглотила” слово *улица, площадь, институт* и т.п. Имеются в виду факты типа: *выходить на Пушкина, жить на Восстания, учиться в Герцена* и т.п. Примеры из литературы:

Сквозь молочный пар изморози едва виднелся высотный дом на Восстания (Л. Бежин. Метро “Тургеневская”).

Как-то принялся расспрашивать: а как называется мост, а кто построил вон тот особняк и вон тот? Ответов не давали. Мост на Декабристов, да и всё (В. Цыганов. Мой Екатеринбург).

Таким образом, компрессия в синтаксисе многообразна и по своим внутренним механизмам, и по внешним проявлениям. Однако это не значит, что данный процесс не поддается моделированию. Напротив, уплотнение информации в рамках высказывания происходит по воспроизводимым, отработанным в сознании носителя языка образцам.

Так, хорошо известен вид стяжения, при котором от атрибутивного словосочетания остается только главный член; определение же “поглощается” существительным, приобретающим при этом особое значение, типа *высокая температура* → *температура* (у мальчика температура), *хорошее качество* → *качество* (бороться за качество), *должный уровень* → *уровень* (быть на уровне). Примеры из текстов:

Мама сделала лицо. Это значило – не приставай к отцу! (В. Попов. Это именно я; здесь *лицо* – ‘недовольное лицо’).

Оказывается, Вячеслав Михайлович способен на поступок. Настя почувствовала, что в ее душе появилось даже что-то вроде уважения к начальнику (А. Маринина. Незапертая дверь; *поступок* – ‘благородный поступок’).

– Ты же знаешь, мне врач сказал плавать. У меня спина.

– У всех спина, – мрачно пошутил любовник (Н. Андреева. Проигравшему достается жизнь; *спина* – ‘больная спина’).

Другой распространенный тип компрессии: атрибутивное словосочетание сжимается до слова, послужившего производящей основой для определения. Примеры: *стандартное положение* → *стандарт* (в футболе), *комплексный обед* → *комплекс* (в общественном питании), *дочернее предприятие* – *дочка*, *глянцевая бумага* или *глянцевый журнал* → *глянец*, *онкологическое заболевание* → *онкология*, *Рижское шоссе* → *Рига*, *московское время* → *Москва* (в полночь по Москве) и т.п.

Две литературные иллюстрации:

Это сейчас у нас бизнес-ланчи. А в прежние времена примерно то же самое называлось куда более обыденно, но зато и более патриотично – комплексными обедами, а на жаргоне работников общепита – просто комплексами... У нас комплексы (Л. Рубинштейн. Духи времени).

– Куда?

– Понятия не имею. Где постов ГАИ нет...

– У подруги дача по Риге. Там, вроде, нет (Н. Андреева. Проигравшему достается жизнь).

Третий тип: словосочетание с несогласованным определением, выраженным существительным (чаще всего в родительном падеже), “сжимается” до однословного наименования (обычно в качестве такового выбирается слово с наиболее “дифференцирующим” значением): *страны Западной Европы* → *Запад*, *орден Славы* → *Слава*, *Театр Сатиры* → *Сатира*, *война в Афганистане* → *Афганистан*, *Всероссийский фестиваль авторской*

песни имени Валерия Грушина → Груша, срок отбытия наказания → срок и т.п. Литературные примеры:

С легкой руки членов Массолита никто не называл дом “Домом Грибоедова”, а все говорили просто – “Грибоедов”: “Я вчера два часа протолкался у Грибоедова”... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Собирай мальчиков, по кустам расползлись и вперед, за Родину, за Сталина! Возьмешь – “Красное знамя”, не возьмешь – сдавай партбилет, ясно? (В. Некрасов. Саперлипопет).

Частный случай в рамках данного типа: составная номинация с названием улицы, района, города сводится до топонима, опять-таки в особом значении:

Через два месяца он вернулся с моря, она – с Пряжки, они опасливо встретились и развелись к черту (М. Веллер. Посвящается Стелле; *Пряжка* здесь – ‘психиатрическая больница, находящаяся в Петербурге на набережной реки Пряжки’).

В принципе, с точки зрения семасиологии, это все примеры метонимии, но в основе ее лежат процессы синтаксических преобразований. Системный характер таких переносов был показан в работах ряда российских авторов – Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, Е.Л. Гинзбурга, Ю.Д. Апресяна и др.

Рассмотренные случаи “сжатия” текста предполагают, что языковая компетенция носителя языка охватывает не только набор синтаксических моделей, но и правила их преобразований. Правда, вопрос о силе лингвистического объяснения для всех подобных случаев остается открытым. Дж. Лакофф в своей работе 1977 г. ставил под сомнение возможность собственно лингвистического истолкования фактов синтаксической компрессии. По его мнению, цепочки имен могут получать чрезвычайно произвольную и индивидуальную трактовку в зависимости от конкретной ситуации, в которой они используются [15, с. 352].

Исходной точкой для рассуждений ученого послужили английские примеры, приводимые в работах Дж. Лича и Ч. Филмора, типа *retarded children* ‘умственно отсталые дети’. На их базе возникают многообразные конструкции компрессионного характера, подобные тем, что мы наблюдали на примере сочетаний с прилагательным *пригородный*. И далее процитируем американского лингвиста: “Преподаватели могут назвать словосочетанием *retarded classrooms* классы, где занимаются умственно отсталые дети, а словосо-

четаниями *retarded programs* и *retarded curricula* соответственно – программы и учебные планы для таких детей. Легко представить себе, что если бы этим детям требовалась специальная диета, то при обсуждении ее можно было бы услышать словосочетания *retarded diets*, *retarded menus*, а, быть может, даже и *retarded dieticians* ‘диетологи для умственно отсталых детей’. Но и здесь, как кажется, существуют пределы” [15, с. 355]. В результате автор приходит к выводу, что “семантическая структура подобных предложений лишь частично выявляется с помощью наших знаний о языке”, а зависит от структуры представления жизненного опыта в нашем сознании.

Действительно, перестройка формирующегося высказывания может быть сложной, многоступенчатой, охватывающей многие его элементы, особенно в художественных контекстах. Продемонстрируем это на трех цитатах из современных произведений.

Спокойствием, умиротворенностью веяло от третьего члена компании – толстого, крупного мальчика, одетого крайне причудливо: фуражка-капитанка, бушлатик, серые шерстяные подштанники и калоши. Капитан был сориентирован фасадом в мою сторону, но не буравил меня глазами, скорее уж со скромным достоинством предлагал для обозрения собственную персону (Ю. Нагибин. Река Гераклита). Здесь лексема *капитан* означает ‘мальчик в фуражке, которую обычно носят капитаны’.

Одна молодящаяся критического возраста дама, кокетничая со своим соседом по застолью, сказала: “Иван Иванович, поухаживайте за мной огурцом!” (Д. Малаховский. Есть что вспомнить...). При всей анекдотичности данной фразы можно предположить, что адресат истолковал просьбу правильно, а именно как ‘И.И., если вы хотите поухаживать за мной, то предложите мне огурец’.

С другой стороны <...> здесь спокойный наряд, а вернувшись раньше времени на подстанцию, они могут получить направление куда-нибудь почище, к белой горячке или к топору в запертой квартире (Л. Петрушевская. Время ночь). И опять читатель, опираясь на контекст, безошибочно реконструирует нужное значение: к *топору в запертой квартире* это значит ‘к психическому больному, который заперся в квартире и угрожает топором’.

Понятно, что мыслительные операции, которые совершаются здесь в языковом сознании читателя или слушателя, требуют больше времени для перебора смысловых вариантов и большего

“аппроксимационного” настройа ума. Однако всё это, подчеркнем, – не уникальные и “разовые” девиации, а, напротив, процессы повторяющиеся и моделируемые. В противном случае слушающий в принципе не смог бы понять говорящего. Самые сложные случаи семантико-синтаксического сжатия текста сводятся всё к тем же элементарным типам, образцы которых мы приводили выше. Даже последний из приводившихся примеров мы можем предположительно представить как цепочку последовательных компрессионных ходов: *психический больной заперся в квартире и угрожает топором* → *больной с топором в запертой квартире* (номинализация) → *топор в запертой квартире* (персонализация)... Как писал В.Г. Адмони, «любая фрагментарность, “структурная размытость”, грамматическая “алогичность” высказывания позволяют все же найти те грамматически закрепленные структуры, к которым (или к проекциям на которые) восходят все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи, вообще разового высказывания» [16, с. 60].

Конечно, приведенные выше рассуждения несколько рискованны, потому что, получается, мы “домысливаем” за говорящего его речевую тактику, реконструируя факты речи до некоторого полного, “идеального” состояния. В то же время мы отдаем себе отчет в том, что носителю языка свойственно использовать какие-то сжатые, редуцированные конструкции уже в таком виде; они хранятся в его памяти как фрагменты его коммуникативного опыта. И, тем не менее, думается, что типологический ход нашего моделирования верен: от относительно полного, развернутого представления мысли к ее сжато, конденсированному выражению.

Процессы синтаксического стяжения по своей сути универсальны, они соответствуют стремлению говорящего уплотнить информацию в пределах языкового знака и всего текста. С позиций лингвистической прагматики их можно также рассматривать как проявление особой тенденции – к интеллектуализации (или, по-другому, к рационализации) речи. По мнению болгарской исследовательницы Р. Ницоловой, интеллектуализация в области синтаксиса проявляется прежде всего именно в “усложнении и конденсации синтаксических структур” [17, с. 83]. Нет ничего удивительного в том, что и в других современных славянских языках мы находим примеры, аналогичные приведенным русским.

Скажем, в болгарской речи встречаются такие факты, как *сух пакет* (это результат компрессии

выражения *пакет със суха храна* ‘сухой паек’); *намалени стоки* (результат компрессии *стоки с намалени цени* ‘товары по сниженным ценам’); *среща автограф* (из *среща, при която се раздават автографи* ‘встреча с читателями или зрителями, после которой писатель или артист раздает автографы’), *социални грижи* (вместо полного варианта *отдел* (или *дирекция*) “Социални грижи” ‘отдел социального обеспечения’), *молба за напускане* (результат стяжения *молба за напускане на работа* ‘заявление об увольнении по собственному желанию’), *СПИН скандалът* (сжатая номинация вместо *скандалът, свързан със СПИН* ‘скандал, связанный со СПИДом’), и т.п. Примеры из художественной литературы:

Тежко, разбира се, но за един месец овладях положението. Преди всичко увеличих гумените цървули, защото селска България трябва да има гумени цървули (К. Калчев. Софийски разкази; здесь *увеличих гумените цървули* – вместо: *увеличих производство на гумените цървули*). ‘Тяжело, конечно, но за месяц я овладел ситуацией. Прежде всего я увеличил производство резиновых галош, потому что сельская Болгария должна иметь резиновые галоши’.

Пример из разговорной речи (см. [18]):

Б. – Ами добре / в такъв случай / този пуловер / аз сама съм си го плела / има ли значение това

А. – Ръчно не разрешават / имаме специална заповед нали за частно производство масово / масово не бива / но когато това е една бройка и не с цел за търговия (здесь под *ръчно не разрешават* имеется в виду *стоки ръчно производство не разрешават да се приемат в омажонен магазин* ‘товары самодельного производства не разрешают принимать в комиссионный магазин’).

Вместе с тем компрессионные процессы характеризуются в синтаксисе каждого из славянских языков определенным своеобразием, которое обуславливается присущими этому языку закономерностями номинации, системой кодифицированных (стандартных) типов словосочетаний, словообразовательными возможностями, большей или меньшей строгостью словопорядка и т.д. Не случайно некоторые исследователи, например Н. Енчева [19], говорят о большей распространенности синтаксических стяжений в болгарском языке (по сравнению с русским) и считают, что это связано с общей направленностью данного языка в сторону аналитического развития. В частности, упомянутые факты вроде *среща автограф* или *СПИН скандалът* воспринимаются совершенно естественно на фоне прогрессирующих в болгарском языке беспредложных сочетаний су-

ществительных (типа *изгрев слънце, чаша вода, майстор готвач, кандидат студент* и т.п.).

Одной из особенностей болгарской грамматики является также возможность многообразных сочетаний предлогов в тексте, таких как: *с по, с над, за в, за пред, за през, на по, на към, до преди, из на* и т.п. Эти сочетания также можно трактовать как свидетельство произошедших в структуре фразы компрессионных преобразований (см. [20, с. 96–97]). Примеры из художественной литературы:

Страшни обичаи имат – като си гост, всичко ти дават, даже жена си отстъпват за през нощта (П. Костова. Капитан Коци; *за през нощта* значит *за времето през нощта* или *за използването през нощта* и т.п.). Перевод: ‘Страшные у них обычаи: если ты гость, всё тебе дают, даже жену свою уступят на ночь’.

Всичко това показва, че техните скрити политически цели не са за пред хората (Хр. Генчев. Махалото е на път; *за пред хората* означает *за показване пред хората*. – ‘Всё это показывает, что их скрытые политические цели недостойны того, чтобы предъявлять их людям’).

Стоит оговориться, что сочетания предлогов встречаются и в русской речи, но здесь это – большая редкость, ср.:

Как я хотел вернуться в до войны,
Предупредить, кого убить должны
(А. Тарковский. Суббота, 21 июня)

Гости были вынуждены пить пробные духи козы Машки, ее лосьон для ног и жидкость для после бритья бороды, ничего другого не было... (Л. Петрушевская. Дикие животные сказки).

Нашли чашу со святой водой – маленькую, старенькую, видимо, от “до ремонта” оставшуюся... (Е. Пунш. Мыть полы коньяком).

Здесь также стяженному варианту везде предшествовала в сознании более полная конструкция, ср.: *в до войны* – в период до войны; *для после бритья* – для втирания после бритья; *от “до ремонта”* – от времени до ремонта. Н.Ю. Шведова, приводя аналогичные примеры типа *считая с на водку гарсонам*, характеризует их как “особые случаи контаминации, характерные почти исключительно для разговорной речи” [8, с. 73].

Семантико-синтаксическая компрессия широко представлена и в польской речи. Здесь мы имеем вместо *biuro kadr* ‘отдел кадров’ – *kadry*; вместо *wyniki badań krwi* ‘результаты анализов крови’ – *wyniki krwi*, вместо *walka o głosy wyborców* ‘борьба за голоса избирателей’ – *walka*

o wyborców, вместо *piłka koszykowa* ‘баскетбол’ – *koszykówka* и даже *kosz* (разг. *zagrajmy w kosza* ‘сыграем в баскет’), вместо *rociąg, który odchodzi o piętnastej dwadzieścia* ‘поезд, который отходит в 15.20’ – *rociąg piętnasta dwadzieścia*, вместо *budynek w formie okrągłej* ‘здание округлой формы’ – *okrągłak*, вместо *nagroda Nobla* ‘нобелевская премия’ – *Nobel*, вместо *Liceum Ogólnokształcące im. Cervantesa* ‘общеобразовательный лицей имени Сервантеса’ – *Cervantes* и т.п.

Пример из литературы:

Widzę wyraźnie ciemne pantofle, domyślam się pończoch... (T. Konwicki. Czytało; *domyślam się pończoch* значит *domyślam się obecności* или *istnienia pończoch*) – ‘Я отчетливо вижу темные туфли, догадываюсь о наличии чулок’.

И здесь процессам стяжения способствуют некоторые внутриязыковые факторы. Так, в польском языке чрезвычайно активны наречия с суффиксом *-o* или *-e*, образованные от прилагательных и причастий; они восходят еще к древнепольской эпохе (см. [21, с. 135–144]). Что же касается современного этапа, то этим дериватам присуща более высокая степень кодификации, чем в русском языке. Особой популярностью пользуются они в научном и публицистическом стиле, причем в некоторых случаях трудно установить, характеризуют ли данные наречия субъект деятельности или ее объект [22, с. 86]. В частности, по-польски можно сказать *badac komputerowo* – ‘исследовать с помощью компьютера’, *wychowywac ideowo* – ‘воспитывать в идейном отношении’, *powiedziec obrończo* – ‘сказать в порядке защиты’, *zgadzac się światopoglądowo* – ‘соглашаться в плане мировоззрения’, *pracować społecznie* – ‘работать на общественной работе (или на общественных началах)’ и т.п.

Пример из литературы:

Jak widzisz, nie wytrzymałam nerwowo (J. Hen. Oko Dajana; здесь *nie wytrzymałam nerwowo* значит *nie wytrzymałam pod względem stanu nerwów*) – ‘Как видишь, нервы у меня не выдержали’ (букв. ‘я не выдержала нервно’).

Л. Брож, исследуя обстоятельственные выражения в русском языке типа *в теоретическом отношении, со стилистической точки зрения, путем эксперимента, со стороны языка* и т.п. (он их называет “описательными наречиями”), показал, что в чешском языке во многих случаях им соответствуют простые наречия, образованные от относительных прилагательных: *teoreticky, stylisticky, experimentálně, jazykově* и т.п. [23, с. 27 и др.]. Ясно, что речь идет о закреплении

ных в национальном сознании приемах “языковой техники”.

Возвращаясь к польскому материалу, отметим, что здесь заслуживает внимания также противопоставление качественных (характеризующих) и относительных (квалифицирующих) прилагательных, распределяющихся соответственно по пре- и постпозиции к определяемому существительному: вторые, выполняющие роль дифференциальных признаков, лучше сохраняются при стяжении всей конструкции. Еще одна черта польской грамматики, выступающая в качестве предпосылки к механизмам синтаксической компрессии, это почти неограниченное образование в этом языке отглагольных существительных, участвующих в том числе и в конструкциях типа *do przyjęcia, nie do jedzenia* и т.п. (см. [24, S. 12–13]; [25, с. 54 и др.]).

Подобные особенности, по-видимому, можно найти в каждом из славянских языков. Белорусский лингвист А.Е. Михневич, анализируя процессы преобразования подчинительных конструкций в белорусской речи, одним из типичных случаев считал сгущение информации в форме “синтаксической конденсации”. При этом предпосылку данного процесса он видел в регулярном эллипсисе, ср. примеры типа: *выканаць план к дваццатаму дню снежня* ‘выполнить план к двадцатому дню декабря’ → (разг.) *выканаць план к дваццатаму снежню*; *перад першым чыслом мая* ‘перед первым числом мая’ → (разг.) *перад першым маем* и т.п. [26, с. 56]. В качестве формального следа “перестройки” здесь выступает перераспределение подчинительных связей в словосочетании: название месяца из зависимой словоформы становится главной. Вместе с тем, как уже отмечалось, активизация процессов компрессии в синтаксисе предполагает наличие мощного “субстрата” в виде разговорной речи; это следует учитывать при описании ситуации в белорусском языке.

Таким образом, многообразные по форме, процессы семантико-синтаксической компрессии едины по своей сути: они, воплощая в себе стремление к экономии речевых средств, одновременно лежат в русле тенденций к интеллектуализации грамматического строя. Вместе с тем их реализация в каждом языке обусловлена своими структурными особенностями. Эта мысль, высказанная в свое время чешским лингвистом М. Елинеком и болгарским И. Лековым, сегодня нуждается в уточнении – с учетом того места, которое приобретает разговорная речь в системе стилей современных славянских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Прокопович Н.Н. О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке // Развитие синтаксиса современного русского языка / Под ред. Н.С. Поспелова и Е.А. Иванчиковой. М., 1966. С. 127–146.
3. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
4. Норман Б.Ю. Понимание текста и синтаксическая “предыстория” высказывания // *Russian Linguistics*. Vol. 22. 1998. С. 1–12.
5. Илюхина Н.А. Аномальные словоупотребления как следствие метонимических переносов: проблема квалификации // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов, 2009. С. 12–19.
6. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
8. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.
9. Динамика структуры современного русского языка / Отв. ред. В.В. Колесов. Л., 1982.
10. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
11. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие. М., 2003.
12. Большой толковый словарь современного русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
13. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 250–299.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
15. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 350–368.
16. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
17. Ницолова Р. За интелектуализацията на съвременния български книжовен език // Проблеми на езиковата култура / Съст. П. Пашов, В. Станков. София, 1980. С. 79–87.
18. Ангелова И. Синтаксис на българската разговорна реч (в съпоставка с руски, чешки, полски език). София, 1994.
19. Енчева Н. О семантико-синтаксическом стяжении именных словосочетаний способом устранения зависимого компонента // Болгарская русистика. 1989. № 1. С. 53–61.
20. Норман Б. Предложните съчетания като синтактично явление // Език и литература. 1978. № 2. С. 94–98.

21. *Cyran W.* Przysłowki polskie. Budowa słowotwórcza. Łódź, 1967.
22. *Grzegorzczkova R.* Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków. Wrocław etc. 1975.
23. *Брож Л.* Адвербиальная перифрастика. На русском материале в сопоставлении с чешским. Praha, 1971.
24. *Buttler D.* Kilka przejawów tendencji do skrótu we współczesnej składni polskiej // *Polonistyka*. 1969. № 5. S. 8–15.
25. *Леков И.* Особенности на синтактичния тип на славянските езици. София, 1972.
26. *Міхневіч А.Я.* Сінтаксічная перабудова падпарадкавальных словазлучэнняў у сказе (тэксце) // *Беларуская лінгвістыка*. 1978. № 13. С. 53–57.